

Топоров В. Предисловие // Готфрид Бенн. Собрание стихотворений. СПб: Евразия, 1997. С. 7-21

Bekes P. Einleitung und Nachwort // Gedichte des Expressionismus. Stuttgart: Reclam, 1991. S. 7-17, 65-78

Mann O. Einleitung // Expressionismus. Gestalten einer literarischen Bewegung. Heidelberg: W. Rothe-Verlag, 1956. S. 9-26

Mautz K. Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms. Frankfurt/Main.; Bonn: Athnäum-Verlag, 1961. 387 S.

Schneider K.L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G.Trakls und E.Stadlers. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1961. 184 S.

Т.В.Кудрявцева

УДК 321. 112. 2 (Эрнст П.)
ББК Ш33 (4Гем)6 – 8, 4

К истории восприятия творчества Пауля Эрнста в России

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить историю рецепции творчества немецкого писателя Пауля Эрнста (1862–1933) в дореволюционной России, в СССР и в постсоветское время и выявить причины недостаточного внимания отечественных филологов к этой фигуре.

Ключевые слова: немецкая литература, русская литература, неоклассицизм, стереотип, рецепция.

Говорить о рецепции П. Эрнста (1862–1933) в России — значит констатировать отсутствие адекватного представления об этом писателе.

В фондах РГБ (им. В.И. Ленина) и ВГБИЛ имеются почти все издания произведений Эрнста на немецком языке, и отечественные переводчики и литературоведы при желании могли получить представление о творчестве и личности писателя. Однако сведения о нем ограничивались лишь скудными статьями справочно-энциклопедического и историко-литературного характера.

Одно из первых упоминаний имени Эрнста содержится в статье историка литературы и публициста Н.Л. Мещерякова «О новых настроениях русской буржуазной интеллигенции» (1921). Речь в ней

идет об оценке идеи евразийства деятелями социалистической культурной политики. Называя особенности мировоззрения не разделяющей идеи интернационализма русской интеллигенции — отрицание европейской цивилизации, национализм, славянофильство — автор статьи подводит под эти принципы общий знаменатель: связь русского, православного в своей основе, течения мысли с «мудрецами эпохи упадка и разложения буржуазного мира» [Мещеряков 1921: 39], среди которых на первом месте оказываются Шпенглер, Кайзерлинг и Пауль Эрнст.

Первые историко-литературные сведения о Пауле Эрнсте содержатся в «Литературной энциклопедии» (1929–1939). А. Запровская в статье «Литература эпохи империализма и пролетарской революции» посвящает Паулю Эрнсту следующий абзац:

«К наступающей развернутому фронтом буржуазно-реакционной литературе примыкает также неоклассицизм, своеобразный продукт распада мелкобуржуазного натурализма. Представителем этого течения является Пауль Эрнст (1866). Он обосновывает свою теорию неоклассицизма (см. его сб. «Путь к форме», 1912, и «Кредо», 1912), выдвигая принцип вечного вневременного искусства красоты и одухотворенной формы, выражающих борьбу вечных истин и страстей. В поисках такого искусства Эрнст уходит в старогерманские и древнегреческие сюжеты, трактуя их в сильно стилизованной форме (драмы: «Деметриос», «Demetrios», 1905), «Каносса», «Canossa», 1908), «Брунгильда», «Brunhild», 1909, «Нинон», «Ninon, 1910 и др.). В книгах «Распад немецкого идеализма» (1918) и «Распад марксизма» (1920) Эрнст производит окончательную переоценку всех ценностей [Запровская 1934: 830–847].

В первом номере журнала «Литературное наследство» за 1931 г. на русском языке было опубликовано письмо Энгельса П. Эрнсту от 5 июня 1890 г., сопровождаемое предисловием Института Маркса — Энгельса — Ленина, в котором говорится, что Эрнст «является фашистским писателем» [Энгельс 1931: 9], и послесловием советского литературоведа Ф.П. Шиллера. Последний характеризует Пауля Эрнста как «<...> довольно известного с.-д. публициста и чуть ли не официального интерпретатора Ибсена на страницах главного теоретико-марксистского органа партии “Нойе Цайт”». Однако «Пауль Эрнст вышел из партии и сделался эстетствующим идеалистом, основателем и главой так называемой неоклассической школы писателей и известным драматургом» [Шиллер 1931: 10].

Если в Предисловии к письму Эрнст прямо называется фашистским писателем, то Шиллер более осторожен в своих оценках: «А после войны он сделался попутчиком «умеренного» фашизма группы

Гутенберга» [Шиллер 1931: 10]. Речь, видимо, идет о Карле Людвиге Гуттенберге (которого, скорее можно назвать представителем консервативной оппозиции нацистскому режиму) и его изданию «Монархия — журнал немецкой традиции» («Monarchie — Zeitschrift für deutsche Tradition»). Шиллер упоминает о дальнейших вехах творческого и духовного развития Эрнста, правда, не расшифровывая, что конкретно стоит за тем или иным суждением: «написал книгу о «крахе» немецкого идеализма, а также и марксизма, в своей же последней вещи (1930 год) проповедует возврат к богу» [Шиллер 1931: 10].

В известной «Истории западно-европейской литературы нового времени» Ф.П. Шиллер рассматривает неоклассицизм (sic! в конце главы, посвященной импрессионизму и символизму) как единое движение, тесно связанное с группой Георге. По его словам, «представители этого направления (Пауль Эрнст объявляется его главой. — *Т.К.*) разрабатывают вопросы античного искусства» вслед за Буркхардтом и Ницше, «отвергая трактовку греческого искусства как “благородной простоты и умиротворенного величия”». Неоклассики «стремятся», по Шиллеру, «противопоставить распаду художественной формы, философии релятивизма и т.д. строгую “новую” классическую форму, абсолютные нормы нравственности, новые понятия трагического» [Шиллер 1937: 144].

Шиллер трактует неоклассицизм как часть общей тенденции, в основу которой положены взгляды на античность как на «мир ненормальный, трагический», как на «воплощение антигуманизма». Исследователь противопоставляет взгляды Ф. Ницше, Я. Буркхардта воззрениям на античность Гёте, Шиллера, Винкельмана и Гумбольдта, которые, «расценивали античность как высшее проявление гуманизма» [Шиллер 1937: 143].

Как пишет Шиллер, «под защитой дионисического начала и критикой начала аполоновского» у Ницше (а стало быть у всего немецкого неоклассицизма (Георге, Гофмансталь, Георге, Пауль Эрнст. — *Т.К.*) «скрывается реакционная критика всей системы буржуазной демократии и движения масс». Любопытна мысль Шиллера о том, что «пересмотр античности под новым углом зрения, является, по существу, перенесением противоречий буржуазного общества эпохи империализма в древний мир с целью оправдания капитализма указанием на имманентную их присущность истории человечества на всех ее этапах» [Шиллер 1937: 144]. Правильное в своей основе наблюдение первой части суждения искажается затем в угоду классовым интересам в духе марксистско-ленинского учения. Любопытно, что впоследствии эта мысль, очищенная от идеологических плевел будет подхвачена уже в 1990-е годы: «Для неоклассиков прошедшие эпохи должны были

стать заимодавцами общезначимых идей, которых писатели не обнаруживали в современности» [Павлова, Юрьева 1994: 327].

Противопоставляя неоклассицизм натурализму и реализму, Шиллер характеризует его со знаком минус, подкрепляя свою негативную оценку цитатой из Пауля Эрнста (источник не указан): «Искусство, — писал Пауль Эрнст, — которое в конечном итоге лишь раскрывает причинные связи, не искусство, но в лучшем случае иллюстрация к определенным научным теориям. И там, где видят лишь обусловленность каждого поступка, не может быть и речи о нравственности» [Шиллер 1937: 144]. Шиллера не удовлетворяет несоответствие теории неоклассиков идеологическому искусству, основанному на историческом детерминизме. Ницше, Георге, Гофмансталю и Эрнсту приписывается деление на «высшее» и «низшее» человечество и соответственно этому на «высшую» и «низшую» жизнь, что марксистский идеолог понимает как деление общества на антагонистические классы трудящихся и аристократов. Поэтому вывод неоклассиков о том, что «высшая жизнь отличается от низшей силой и богатством своих “упорядочивающих” сил» [Шиллер 1937: 144] не может удовлетворить советского историка литературы. Неудачное воплощение теории в художественном творчестве неоклассиков Шиллер целиком связывает с «неспособностью буржуазных писателей эпохи империализма противопоставить распаду его искусства крупные плодотворные формы творчества» [Шиллер 1937: 144].

Главное для историка литературы состоит в том, что «понимание марксизма Эрнстом и трактовка им вопросов литературы отличались чрезвычайной механистичностью и вульгарностью» [Шиллер 1937: 146]. Шиллер ссылается на полемику П. Эрнста с Г. Баром по поводу разногласий в толковании природы мещанства, воспроизводя пассажи из своей статьи в «Литературном наследстве». Обращаясь к неоклассическому периоду творчества Эрнста, историк литературы пересказывает сюжет «Ариадны на Наксосе» («*Ariadne auf Naxos*», 1912) как «одной из типичнейших драм» неоклассицизма. При этом совершенно не учитывается эволюция творческих устремлений Эрнста. По сути, в процессе пересмотра своей неоклассической доктрины писатель создал так называемую драму искупления (*Erlösungs-drama*). Для Шиллера же важнее подвергнуть критике «абсолютную нравственность» [Шиллер 1937: 146] Эрнста.

Принципиальный тезис автора звучит как вердикт: Эрнст «сблизился с националистическими кругами и перешел в лагерь фашизма» [Шиллер 1937: 148]. Шиллер утверждает, что Эрнст «рано примкнул к фашизму», в качестве доказательства, приводя факт, который, впрочем, имел место за несколько дней до смерти писателя: «после фа-

шистского переворота он (Эрнст. — *Т.К.*) одним из первых был назначен членом прусской Академии изящных искусств» [Шиллер 1937: 149]. Такой финал статьи Шиллера стал, по сути, приговором писателю на долгие годы, определив характер его рецензии в СССР и в постсоветской России, фактически сделал невозможным непредвзятое изучение творчества писателя и наложил негласное (?) вето на перевод его произведений.

В «Краткой литературной энциклопедии» в 9 томах, вышедшей с 1962 по 1978 г., имя Пауля Эрнста не фигурирует, в статьях о немецкой литературе нет упоминаний и о неоклассицизме. В IV томе академической «Истории немецкой литературы» (1968), присутствует глава «Посленатуралистические течения», написанная В.Г. Адмони, в которой неоклассицизм представлен как «одно из наиболее реакционных направлений». Автор статьи дает уничижительную оценку творчеству и личности Пауля Эрнста, который «<...> своим невежеством и самомнением», по мнению Адмони, «вызвал жестокою отповедь (*sic!*. — *Т.К.*) Энгельса». Автор ссылается на письмо Энгельса П. Эрнсту от 5 июня 1890 г. из «Собрания сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса (Т. 37, изд. 2 1965. С. 350–353) и отмечает, что «Энгельс подверг критике статью П. Эрнста, в которой тот, полемизируя с Г. Баром, объявил мещанским все творчество Г. Ибсена» [Адмони 1968: 328].

В комментариях к письму Энгельса Эрнсту и в статье литературоведа Ф.П. Шиллера содержится внятный анализ этой проблемы. Хотя и оцениваемая с точки зрения марксистской философии, она не теряет своей объемности и сложности, а фигура Эрнста, в отличие от трактовки Адмони, предстает в этих комментариях отнюдь не упрощенной, но значимой в контексте событий того времени. Адмони игнорирует тот факт, что речь на самом деле идет о критике Энгельсом недостаточно диалектической и историчной позиции Эрнста в вопросах трактовки европейского мещанства. Главная мысль Энгельса состоит в том, что необходимо учитывать исторические условия бытования этого явления в национальном контексте, а потому немецкое, в частности, и скандинавское мещанство требуют рассмотрения именно как явления, национально-исторически обусловленные.

По всей видимости, Адмони использовал и материалы «Литературного наследия», и «Истории западно-европейской литературы нового времени», поскольку он пишет о том, что «<...> развитие П. Эрнста ведет его ко все более откровенной реакции. В гитлеровской Германии он был одним из наиболее почитаемых писателей» [Адмони 1968: 329]. Разумеется, вывод, сделанный без опоры на факты, на анализ произведений Эрнста, которые публиковались в нацистской Германии, и без оговорки, что Эрнст в последние годы жил в Австрии и

умер там же в мае 1933 г., автоматически зачисляет писателя в ряды официальных авторов нацистской Германии.

Пассажи, посвященные Паулю Эрнсту в связи с неоклассицизмом, опираются на уже упомянутую статью А. Запровской из «Литературной энциклопедии» 1929 г. и статьи Ф.П. Шиллера.

Вот цитата из главы В.Г. Адмони: «П. Эрнст и Шольц делают ударение на «возвышенности», «ценности» героя (*der höhere Held*), они резко выступают против натуралистической драмы, где героем мог быть любой человек. Неоклассицизм подчеркнуто антидемократичен: у пролетария «затемнено сознание нравственной свободы», поэтому он может явиться героем трагедии лишь в исключительных случаях» [Адмони 1968: 328].

Наряду с порицанием антидемократичности неоклассической драмы, Адмони отрицает самостоятельное значение ее теории, полагая, что «<...> основные положения неоклассицизма повторяют в несколько сумбурном виде обрывки классических теорий трагедии, от Аристотеля до Геббеля. <...> Художественная практика неоклассицизма вполне соответствовала этой теории. Новеллы и драмы П. Эрнста остались мертворожденными. Насколько антиисторичен его метод видно, например, из того, что, взяв тему Лжедмитрия, он переносит место действия из России в древнюю Спарту. В этой же трагедии «Деметриос» («*Demetrios*», 1905) П. Эрнст подчеркивает свою ненависть к народу и культ «высших» людей: герой погибает потому, что в нем течет не королевская кровь — его мать была рабыней» [Адмони 1968: 329].

В статье Н.С. Павловой и Л.М. Юрьевой «Немецкая литература» «Истории всемирной литературы» (1994) читаем: «Попыткой найти общую художественную идею, которая могла бы объединить утративший общезначимые ценности мир, было обращение к античности или эпохе классицизма.

Идеал классицизма привлекал писателей Пауля Эрнста (1866—1933) и Вильгельма Шольца (1874—1969). Их произведения, иллюстрировавшие разработанную ими теорию, лишены соприкосновения с жизнью. Теория же отражает некоторые реальные, но отнюдь не восполненные ею потребности общего литературного развития. Широкая и цельная картина действительности, по мысли П. Эрнста и В. Шольца, могла быть создана на сцене (а именно драматургия была средоточием интересов обоих писателей) столкновением «высокого» героя с объективной необходимостью, которой он вынужден был в конце концов подчиниться, не утрачивая при этом своей внутренней свободы. Ориентация на эстетику французского классицизма (с. 329), а из немецких традиций — на творчество Геббеля очевидна. Пафос

неоклассицизма антидемократичен: в натурализме неоклассиков не удовлетворял «низкий» герой и обыденность обстоятельств. <...> в целом он (неоклассицизм. — Т.К.) не оставил заметного следа в художественной жизни Германии. Гораздо существеннее было обращение к античности, в значительной степени переосмысливавшейся в духе идей Ницше» [Павлова Н.С., Юрьева Л.М. 1994: 329].

То есть в новых условиях постсоветской России, когда творчество Ницше, Гофманстала, Георге наделяется философской и художественной значимостью, авторы главы дистанцируются от своего предшественника Ф.П. Шиллера и проводят резкую грань между творчеством Эрнста и других представителей широко понимаемого неоклассицизма.

Ярлык писателя-реакционера, творчество которого не возымело влияния ни на современный, ни на последующий литературный процесс, прочно закрепился в общественном сознании. Подтверждение этому — статьи, посвященные Эрнсту в различных справочно-энциклопедических изданиях, которые можно найти в Рунете: Большой энциклопедический словарь — Big Slovar.ru, Словопедия, Энциклопедический словарь, Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия — Megabook и др.

Заслуживает внимания статья С.Н. Земляного «Доброта как эсхатологическая категория. 1-я и 2-я этики в переписке Георга Лукача и Пауля Эрнста». Земляной рассматривает в ней проблему морали и этики как философской категории. Интересна интерпретация позиции Эрнста в полемике с Лукачем по поводу обсуждения книги В. Ропшина «Конь бледный» и плана издания на немецком языке избранных воспоминаний участников Первой русской революции 1905–1907 гг. В. Ропшин — писательский псевдоним эсера-террориста Бориса Савинкова; речь идет о его одноименной повести 1909 г., переведенной на немецкий язык и в 1910 г. опубликованной в «Берлинер тагеблат» («Berliner Tageblatt»):

«В <...> письме Эрнста Лукачу от 28 апреля 1915 года писатель в вежливой, но жесткой и концептуальной форме, выразил свое несогласие с тезисами своего корреспондента. Прежде всего — с его трактовкой русского террориста как «нового типа человека»: “Книгу Ропшина я прочитал, по вашему совету, и прочитал с глубочайшей увлеченностью. <...> Книга рисует картину болезни (ein Krankheitsbild). Если бы я был русским, я тоже стал бы революционером и, весьма вероятно, террористом. Но то, от чего страдает ее автор в самой глубине своей души, — не преследование, не нужда, не наказание, страх и т.д., все это внешнее. Он страдает от чувства, что государство, а с ним, наверное, и нация, больны. Он честный человек, к каковому, мне кажется,

могу быть причислен и я; и это ужасно, что честный человек в подобной ситуации неизбежно должен совершать преступления. Ибо неудавшаяся революция есть преступление. И люди знают, что их действия бессмысленны, т.е. преступны. Я не уверен, сумел ли я выразиться понятно”.

Эрнст далее подверг сдержанно имманентной критике антигосударственническую позицию Лукача, отказывавшего государству в подлинном бытии, и ее антивоенные обертоны: “Идея государства, или идея семьи, или идея права кажутся мне существующими в той же малой степени, что и любые другие овещствления существительного или прилагательного. Но я — это не только Я сам, я живу и в Других. Во время этой войны, очевидно, происходит стяжение (eine Contraction) Я и нации. Здесь есть гармония, и поэтому я чувствую государство как нечто священное”». Земляной отмечает, что «Эрнст противопоставил Лукачу именно то отношение к государству, против которого тот яростно боролся: отношение к государству как верховной святине, пред которой блекнут все иные ценности».

Земляной вне всякого сомнения, разделяет точку зрения Лукача на государство, называя пьесу Эрнста «Прусский дух» «урапатриотической», и приводя в подтверждение правильности своего суждения слова Эрнста из письма к Лукачу: «<...> Я полагаю, что мне не хотелось бы “метафизически освящать” государство как нечто стоящее надо мной; с ним слита часть моей самости. Но это образное выражение. Мне думается, что Германскую империю и Прусское государство 1915 года нельзя отделить от моей нации; что я сам только в них есть то, что я есть, подобно тому как я также только в родном ландшафте есть то, что я есть. Наверное, можно говорить о некоем расширенном Я?» [Земляной 2002: 67].

В связи с работой над историей литературы Германии XX в. автору настоящей статьи так же пришлось обратиться к личности и творчеству Эрнста. За последние годы были опубликованы несколько статей, в которых предложен несколько иной взгляд на Эрнста, основанный на изучении биографического и художественного материала: Кудрявцева Т.В. Пауль Эрнст: к рецепции «Крейцеровой сонаты» // Толстой о Толстом. Вып. 4. Комментарий к комментарию. М., 2009. С. 431–446; Пауль Эрнст: к рецепции «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого // Литература и язык в изменяющемся мире. СПб., 2010. С. 101–111; Особенности неоклассицизма в Германии // «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. Памяти Р.Г. Пиотровского. Тольятти, 2010. С. 191–196; Античная концептосфера и немецкий неоклассицизм // Вестник ННГУ. 2013. №6(2). С. 274–276; Неоклассицизм // Литературный про-

цесс в Германии на рубеже XIX–XX веков (течения и направления). М. 2014. С. 254–278; Русская литература в Германии: культурные горизонты // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М., 2015. С. 5–56. Дальнейшее углубленное изучение многогранного творчества Эрнста, оставившего свой неповторимый след в истории немецкой литературы, еще ждет своего исследователя.

Литература

Адмони В.Г. Посленатуралистические течения // История немецкой литературы: В 5 т. М.: АН СССР, 1962 – 1976. Т. 4. С. 328–329.

Запровская А. Литература эпохи империализма и пролетарской революции // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1934. Т. 7. С. 830–847.

Земляной С.Н. Доброта как эсхатологическая категория. 1-я и 2-я этики в переписке Георга Лукача и Пауля Эрнста // Этическая мысль: современные исследования. М.: Институт философии РАН, 2002. С. 65–70.

Мещеряков Н.Л. «О новых настроениях русской буржуазной интеллигенции» // «Печать и революция». № 3. 1921. С. 33 – 43.

Павлова Н.С., Юрьева Л.М. Немецкая литература на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 326 – 329.

Фридрих Энгельс о литературе (неизданная переписка Энгельса с Паулем Эрнстом) // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. Объединение, 1931. Т. 1. С. 7- 16.

Шиллер Ф. П. Энгельс и механическое литературоведение 90-х годов» // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. Объединение, 1931. Т. 1. С. 11-16.

Шиллер Ф.П. Импрессионизм и символизм в немецкой литературе // Шиллер Ф.П. История западно-европейской литературы нового времени: В 3 т. М.: Художественная литература, 1935–1937. Т. 3. С. 143 –149.